

АКТУРА

МНЕ ДАНО — УЛЕТАТЬ

Надежда Кожушаная: «Когда я писала «Бессонницу», я поругалась с Цветаевой»

Антонина Крюкова

Зеркало

ИНТЕРВЬЮ — не ее «жанр». Непринужденная беседа — без вопросов и ответов, может быть, диалог без заданности или монолог... Пожалуй, последнее — самое подходящее. Недавно в журнале «Искусство кино» был опубликован ее монолог под названием «Я — пас», признанный лучшей публикацией прошлого года. С ней надо общаться не три часа, а быть рядом постоянно, не спеша входить в ее прихотливый, по-детски хрупкий внутренний мир, в ее по-своему — отдельно — существующую повседневность: с привычкой работать ночами с включенным телевизором, в пристрастия и привязанности... Помню, как после встречи я вышла из дому — и провалилась в «холодную яму» февраля — стлалые, промозглые сумерки, как шла к метро по неосвещенной, чудовищно скользкой улице, с трудом преодолеывая каждый метр, как ехала домой под впечатлением встречи и долго не могла вернуться к своим записям.

— **Надя, ты говорила, что у тебя есть пять знакомых убийц, несколько знакомых уголовников, воров, большая компания «групповых насильников». Теперь вот — твои «алкоголята». (На телевидении Н. Кожушаная сделала передачу об анонимных алкоголиках. — А. К.)** Что за странный круг знакомых?

— Не могу сказать, что мечтала о таких знакомых, стремилась к этому. Они уважают меня, потому что я умею слушать. Я не знаю того, что знают они. Мне — интересно, мне — важно. Человек — это боль. Без боли нельзя. Драматургия — насиле. И тайна. Мне почему-то предлагают самое страшное. Меня в этой жизни ничего не волнует, кроме людей. Нервов не хватает: мне рассказывают, я слушаю и реву. Пореву, пореву, потом сяду и сделаю — по-честному. Правда. Не знаю, как наши меня алкоголята. Или — как вышли на меня. На ловца и зверь бежит. Я в них влюбилась. Очень хорошие люди. Красивые. Они алкоголики, но не пьют уже по несколько лет. Я выслушала всех. Я и про себя всегда все рассказываю. И почти научилась не врать... Учусь. Очень горжусь, что алкоголята ко мне обратились. Я просила их убрать истерику. Получилось. Беспомянула, кто и как из моих любимых людей умер от пьянства...

— **А Афганистан, картина «Нога»?**

— В афганцев я тоже влюбилась. Мы с Никитой Тягуновым, когда работали над фильмом, по уши влезли в Афганистан. Это страшно. Устные рассказы нельзя публиковать. Если я расскажу то, что знаю, будет суд, убийство, наверное... Тема эта для меня закрыта. Не тогда. Я — пас... хочу.

— **У тебя в кино удачно складывается: фильмы, премии, известность. Я слышала о твоём непоставленном сценарии по прозе Владимира Набокова. Что помешало?**

— Я писала этот сценарий для Вани Дыховичного. Как и «Прорву». Он рассказал мне миллиард историй. «Прорву» я написала за месяц. Ваня — человек того времени, той эпохи. Так бывает: человек живет не в свое время — не тогда. Чувствует все иначе. Мыслит по-другому. Очень жаль, что фильм мы не сняли. Все уже было готово. «Закрл» сын Набокова. Сказал, что слишком много придумано. «Снимайте каждый рассказ дословно, а я вам помогу» — его слова. Но так нельзя. Я написала «пред-Лолиту». Она не набоковская и одновременно — набоковская. О том, как девочку вчера сделали женщиной. Она обиделась и ушла. Погуляла и вернулась. Вот и все.

— **Получается, работаешь и в стол?**

«БЭБИ-ЙОГА»

Фрагмент сценария

Надежда Кожушаная

Из-под пера

ЖАЛЬ, ЧТО никто не видел эту сцену. Это было прекрасно. Через час после того, как ОН пришел к Кинозвезде, она была ЕГО по лицу и орала:
— Ты — «девственник»? Лгун!
ОН ловил ее руки, кидал ее на постель. Кинозвезда вырывалась и ржала, как лошадь, от щекотки. Прикрывала глаза с удовольствием, когда ОН мазал кровью постель, занавески, пол, ее.
ОН смыл с нее грим и вымыл ей волосы под краном, нежно, как ребенку. Объяснил:
— Губы. Губы. Рот. Рот. Руки. Лбы. У нас есть отличия. Но наши отличия не касаются никого. — ОН прекрасно понимал, что Кинозвезда не понимает по-русски, но ОН знал, что Кинозвезда понимает.
ОН взял ее бюстгалтер и сжег его на зажигалке.
— Человек — голый! — пояснил ОН.
Потом она — как мать ребенку — забинтовала ЕМУ раны на руках и ноге. ОН сорвал повязки, принес из ванной таз и показал ей, как ОН родил бы в воде.
Кинозвезда помолчала, не вставая, достала из ящика пачку долларов и выдала ЕМУ:
— Роды под водой.
ОН взял доллары, поцеловал их, разорвал на мелкие кусочки и, распахнув окно, выбросил кусочки туда.
Кинозвезда молчала долго. Потом сказала низко и мощно:
— Иди сюда.
Утром Кинозвезда проснулась легкая и счастливая. Потянулась так, как всегда потягивалась в кино... и оторопела.
Рядом с ее кроватью сидела Японка.
— Доброе утро, — на чистом английском сказала Японка. — Я — ЕГО жена.
Кинозвезда улыбнулась.

Надежда Кожушаная — кинодраматург, филолог по образованию. Работала учительницей в сельской школе, потом уехала в Сибирь «на заработки», после чего оказалась в Москве. Была «лимитчицей» — табельщицей в СУ-62, чтобы заработать жилье и московскую прописку. И вдруг — поступила на Высшие курсы сценаристов и режиссеров, которые и закончила в 1984 году (мастерская Семена Лунгина и Людмилы Голубкиной). По сценариям Надежды Кожушаной поставлено четыре полнометражных фильма: «Зеркало для героя» (1988, режиссер Владимир Хотиненко), «Муж и дочь Тamarы Александровны» (1989, Ольга Наручкая), «Нога» (1991, Никита Тягунов), «Прорва» (1992, Иван Дыховичный). Картины отмечены призами многих фестивалей в Италии, Испании, Финляндии, Карловых Варах, Москве, Киеве, Баку. Восемь короткометражек («Бузкаши», «Нам не дано предугадать», «Торо», «Террорист» и др.) и два мультипликационных фильма, поставленных по сценариям Кожушаной, также получили высокие награды. Она автор сценариев «Воскресный день», «Женщина номер два», «Бессонница», «Бэби-йога», «Простое число». Сегодня у нее шесть сценариев на старте.

— Нет, пока не было: или печатают, или снимают. Я человек везучий. Мою любимую «Бессонницу» четыре раза закрывали. Ольга Наручкая должна была снимать. Она ездила по деревням, искала, подбирала натуру, знакомилась с людьми. Познакомилась с настоящей ведьмой. Ведьма прочитала сценарий и заявила, что может показать места, где все описанные события происходили на самом деле. Притормозила «Бессонницу». Теперь она опубликована в минском журнале «Фантокрим МЕГА».

— **В сегодняшней неразберихе, как складывается судьба твоих сценариев?**

— Написала сценарий «Бэби-йога». Очень его люблю. Про настоящих мужиков. Как Высоцкий, Есенин, Олег Даль, Шукшин, Тальков — про таких: сумасшедших. Американцы просили продать его им и предложили мне самой снять картину.

— **Ты как-то говорила, что хочешь сама снять фильм по собственному сценарию.**

— Это, конечно, смешно. Режиссура — профессия. Американцы сделали перевод и сами будут снимать. Я поставила условие, чтобы в главной роли обязательно был русский актер. Режиссер Роберт Стерлинг (у него театр на Бродвее) беретесь делать этот фильм. Не знаю, выйдет ли что из этой затеи или нет. Но люди завелись, колесо закрутилось.

— **А здесь? Кино все же еще снимают, хоть и не так много...**

— Здесь-то как раз ничего и не происходит. Мальчики всякие денежные пошли, бывшие комсомольцы, бывшие дети коминтернов в возрасте до тридцати. Они говорят: покупаем сценарий и делаем с ним все, что хотим. А я не продаю. Пусть лежат. Вот и лежала «Бэби-йога» два года. А деньги «комсомольцы» предлагают бешеные. Но я держусь.

— **Когда ты пишешь сценарий, ты знаешь режиссера, который будет его снимать?**

— Заранее не знаю. Все мои режиссеры, с которыми я работала (а я всегда делаю фильм вместе с режиссером), — это мировоззрение. Вселенная. А не только пробежки и прыжки на съемочной площадке. Это личности, которые знают чего хотят. Я делаю кино для конкретных людей, которые поймут и примут мой фильм. Люди похожи, а потому найдутся еще такие, которым мой фильм будет по душе.

— **Как, по-твоему, соотносятся сценарий и фильм?**

— Сценарий — не главное. Кино — главное. Не фильм, а именно кино.

Люблю, когда ко мне относятся с уважением, то есть к тексту, конечно, к его интонации. В итоге все равно получается общее творчество. Жан Габен сказал, что для фильма нужны три вещи: сценарий, сценарий и сценарий. Кто-то говорил, сценарий в кино вообще не нужен. Саша Митта считает, что я пишу не сценарии, а фильмы. Мне грех обижаться. Четыре полнометражных фильма, снятых по моим сценариям, не очень-то похожи на сценарии. Другое получилось. Но все-таки получилось кино. У меня вообще не было ни одной работы, чтобы все пошло, как в одну дуру. Я не считаю себя профессионалом. Пока у меня не «заболит», я писать не стану. Ни разу не писала на заказ.

— **У тебя есть свой творческий метод?**

— Мережко учил: надо писать три страницы в день. Я так не могу. Обычно пишу финал, потом какую-нибудь неожиданный врезку. Пока не поплачешь, не разобьешь морду о стену — ничего не получится. «Простое число» написала за две недели, а на «Бессонницу» ушло два года. «Ногу» несколько раз переписывала.

— **«Простое число» ты назвала стихотворением.**

— Так захотелось.

— **Что теперь будет с этим сценарием?**

— Его хотят снимать немцы.

— **У нас не ко двору пришелся?**

— Его читали 15 режиссеров. Всем нравится. Все отказались. Может, сниму сама. В нашем кино все без работы сидят. И все отдаются иностранцам. Мне итальянцы заказали сценарий.

— **И что же ты?**

— Пишу для них сценарий «Во мраке».

— **И?**

— Ничего удивительного. Мне — интересно. Это самое главное.

— **Ну а дальше?**

— Хочу написать пьесу. Про двух баб. Так и называется — «Две». Я ее уже написала — рукой. Две женщины в пустыне. Уж женщин я знаю. Надо закрыться в комнате и на машинке отстучать. Пора в театр возвращаться. Пьесу напишу обязательно. Роскомкино объявил конкурс на фильм о Москве, будет поставлено сто фильмов. За это тоже стоит взяться. По моему сценарию снимается документальный фильм о пьющих под названием «Где чистые и нежные китайцы».

— **В «Бессоннице» есть такие слова: «Итак, время. Оно придумано человеком, и только им. Для того, чтобы имитировать несколько мил-**

лионов жизни. День — жизнь. Час — жизнь. В детстве это естественно и неосознанно. Время — это придуманная условность. Так же как дьявол. Дьявола нет. Он придуман для устрашения и оправдания. Время не измеряемо. Время не имеет никакого отношения к Божественному». Это — твоя философия?

— Когда я писала «Бессонницу», я поругалась с Цветаевой. Поругалась со страшной силой. Когда я в нее «влезла», почувствовала, что беру веревку, чтобы повеситься. Две ошибки есть у Марины Ивановны. Я знаю: все от Бога. Убеждена. Никто не переубедит. Дьявола нет. Цветаева думала, что она любила дьявола. Это первая ее ошибка. Еще она говорила, что равный с равным в этом мире не сойдутся никогда.

— **«Не суждено, чтобы равный — с равным... Так разминовываемся — мы».**

— Знаю: сойдутся, еще как сойдутся! Только что из этого выйдет... Это вторая ошибка: во время «Бессонницы» я прочла всех моих любимых древних греков, Шекспира, Булгакова, Пастернака, Набокова, Высоцкого и т. д. Прослушала Моцарта. Булгаков — раб, потому что мстит. Пастернак — трус. Высоцкого я испугалась: он очень хотел умереть. Это страшно. Такому человеку никто не нужен. Древние греки — хорошие ребята. Моцарт — мальчик вечный, гений, любимый, но не мужчина, и никогда им не стал.

— **Но в «Бессоннице» у тебя как раз мужчина получился.**

— Да, получился мужик. Вдруг. С червоточинкой, но мужик. Живой. Я мужиков люблю настоящих.

— **Какие они, настоящие?**

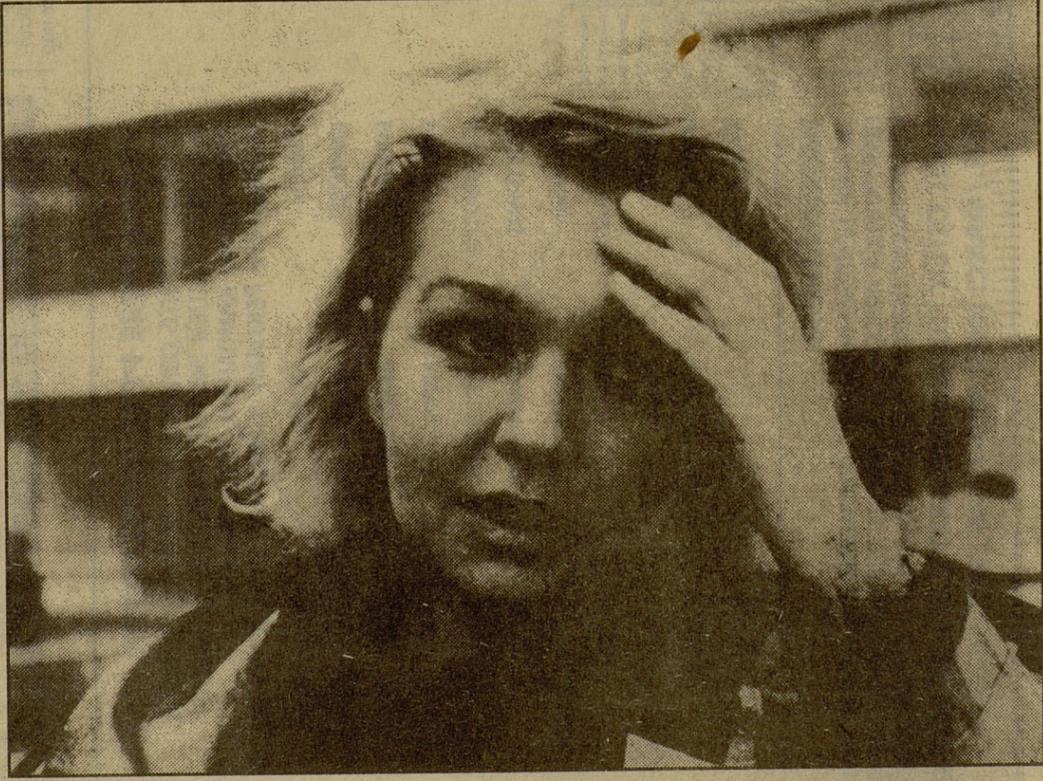
— Мужчина — это поступок. Еще я люблю, когда мужчины не задают idiotских вопросов. И — чтобы красивый. Как Мераб Константинович Камарашвили. Вот мужчина: нос картошкой, глаза навывкате, лысый, сутулый. Но красивый, как Бог!

— **А женщины?**

— Для меня женщина — это неожиданность. Я не Сольвейг, ждать не буду. Что плакать-то? О женщинах распространяться не хочу. Самая красивая женщина в кино — Симона Синьоре. В картине «Корабль дураков». За одну ее походку не знаю что можно сделать! Кураж! Сидит в гониме. Потом встала, пошла и — ах! — сколько изящества, достоинства, сколько нежности, ласки — это такая редкость... Но и буйство тоже люблю в бабах.

— **Как тебе удается соединить творчество, жуткий наш быт и себя в этой реальности?**

— Я очень люблю работать. Думать, придумывать, реветь... Почти не смотрю телевизор, хотя он всегда включен. Ничего не знаю, что происходит, и никого не знаю из современных политиков. Говорят, какой-то Жириновский где-то победил. Народ перепугался. Страна idiotов? Не знаю. Ельцина знаю потому, что он из Свердловска, а его жена работала с моей мамой в техникуме. Если я пишу, то и живу с этим — своим, не отвлекаясь, не вижу, не слышу. Мне дано — улетать.

Перед полетом.

— ОН сказал, что ОН — девственник? — улыбнулась Японка. — Это один из фокусов. Меня волнует другое. У нас кончились деньги, презентация назначена, а ОН — исчез. Вы, видимо, не поняли, что ОН — идиот. ОН здесь? Кинозвезда выслушала внимательно и ответила по-французски:
— Простите, я не знаю английского.
Японка опять улыбнулась. Свободно — как по-английски — перешла на французский:
— ОН — эрац. Извините. Я понимаю, вам неприятно. Угадайте: зачем ОН вывез меня из Японии? Только затем, что у Леннона была жена-японка. Вот и все.
— ОН все-таки был в Японии? — искренне удивилась Кинозвезда и расхохоталась.
В дверь постучали, Секретарь Кинозвезды в ответ на ее «Да!» внес в номер куст роз с землей и маленькую шоколадку.
— Что?! — резко спросила Кинозвезда.
— От Президента Академии родов под водой», — перевел Секретарь с визитки. И скрылся.
Кинозвезда понохала розы (унохалась).
— Икебаны захотелось? — не выдержала Японка. — Под старость.
Они рассматривали друг друга.
С утра женщин рассматривать нельзя.
Японка выиграла: встала и приказала появившемуся Секретарю: — Проводите меня, — и ушла.
Кинозвезда выдержала паузу, случайно посмотрелась в зеркало.
Эря.
Она стало гораздо хуже, чем было с НИМ.
Она сорвалась с постели, выбросила цветы в окно; вместе с шоколадкой: — Русское дерьмо!! (По-английски).